

# Структуры и символы русской государственности

© 2010 г. Е. В. ПЧЕЛОВ\*

## ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ТИТУЛ РОССИЙСКИХ ГОСУДАРЕЙ: СТРУКТУРА И ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Титулы русских государей с конца XV в. состояли из нескольких, выделяемых исследователями, частей. В начальной, инвокативной части, содержалось указание на религиозный источник власти. Первоначально это была формула «Божиею милостию». Затем в так называемой «субъектной» части назывались имя и статус носителя титула («великий князь», «государь всея Руси», «царь» и т.д.). Территориальная или объектная часть включала в себя статусные наименования тех земель, на которые распространялась власть государя. История объектного (территориального, владетельного) титула русских государей (начало исследованию которого было положено еще А.Б. Лакиером в середине XIX в.<sup>1</sup>) – одна из тем, нашедших отражение в современной отечественной историографии. Ее изучением плодотворно занимается С.М. Каштанов, сосредоточивший свое внимание также и на отдельных элементах объектного титула<sup>2</sup>, появляются работы, находящиеся в контексте его научной школы<sup>3</sup>. Сохраняют свою актуальность наблюдения над начальной историей этого титула И. Илиевой<sup>4</sup>, А.В. Лаушкина<sup>5</sup>, В.А. Кучкина<sup>6</sup>, дополненные в недавнее время М. Агоштон<sup>7</sup>. Наконец, специальные исследования истории объектной части государева титула на значительном временном промежутке предприняли А.Л. Хорошкевич<sup>8</sup> и А.И. Филюшкин<sup>9</sup>, обобщивший большой фактический материал по истории титула в целом (за X–XVI вв.).

Выводы двух последних исследований не слишком «утешительны» для выяснения принципов формирования объектного титула и его семантики. Так, Хорошкевич, рассматривая объектный титул исключительно в контексте идеологических «притязаний» и дипломатических контактов, т.е. реальных событий внешней политики (воспринимая их при этом с позиций представлений современного исследователя), делает вывод, что «механической, непосредственной по времени связи между приобретением земли и включением ее наименования в титул не было, за исключением казанского, астраханского и ливонского титулов». «Обязательный корпус» титулов объектной части, по ее мнению, составляли бывшие независимые княжества, именовавшиеся «великими», к которым затем прибавлялись наименования других земель, в зависимости от конкретных политических обстоятельств (или общей геополитической обстановки, чем объясняется слишком позднее вхождение в титул названий Нижнего Новгорода и Ярославля). «Титул притязаний, – полагает Хорошкевич, – постоянно предшествовал титулу реального обладания, формулируя задачи внешней политики как на востоке, так и на западе» (этот тезис иллюстрируется примерами титульных определений «лифляндский», «полоцкий» и обозначений Сибирской земли и Северной страны)<sup>10</sup>.

Филюшкин, одним из методов исследования которого стало наложение упоминаемых в титуле территориальных объектов на современную географическую карту, пришел к следующим выводам. 1. Государев владетельный титул – это «идеальный конструкт»: «границы державы, которые реконструировались бы по титулу, не совпадали с реальными рубежами страны» (замечу, что при вышеназванном методе другого

\* Пчелов Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

результата ожидать было бы сложно). 2. «Для отбора земель в титул были важны как раз рубежи и новые приобретения», важен был именно «порубежный» аспект «государева имени» (поскольку расширение границ государства естественным образом происходит путем присоединения ближайших к этим границам земель, то и этот вывод можно считать вполне тривиальным). 3. «На картах видно, что основная линия распространения титула... была горизонтальной – идеальный облик России строился в виде территории, вытянутой с востока на запад» (поскольку этот вывод базируется на анализе современных географических карт с нанесенными на них объектами эпохи Средневековья, то не вполне понятно, какое отношение он имеет собственно к восприятию географического пространства именно в ту эпоху). 4. «Мы вынуждены повторить вывод о неясности критериев включения ряда внутренних земель в государев титул. На картах не видно никакой закономерности. В присвоении титулований российские государи не стремились адекватно “промаркировать” территорию страны. Их выбор достаточно произволен. Так как его... нельзя объяснить, исходя из историко-хронологических критериев, остается признать, что либо мы не располагаем достаточной информацией и методологическим инструментарием для понимания принципов формирования владетельного титула, либо на его облик оказали сильное влияние факторы случайности и произвольного выбора, прецедента, затем возведенного в систему»<sup>11</sup>. Иными словами, объектный титул формировался по каким-то неясным принципам, а, возможно, и вовсе хаотично.

Такое объяснение не может удовлетворить исследователя: представить себе, что столь важное явление, каковым бесспорно являлся государев титул (достаточно вспомнить хотя бы повышенное внимание русских дипломатов к правильному написанию царской титулатуры в документах или хрестоматийные сведения о царском титуле у Котошихина<sup>12</sup>, равно, как и подробное объяснение титула иностранцами, побывавшими в Московии<sup>13</sup>), формировалось бессистемно и произвольно, крайне затруднительно. Напротив, титул всегда был одним из важнейших способов репрезентации правителя, и допустить вариант стихийности или случайности в процессе любой его трансформации – значит поставить под сомнение и саму суть подобных изменений. Ибо совершенно непонятно в таком случае, зачем нужно было, к примеру, дополнять титул новым объектом, если само упоминание этого объекта не несло существенной семантической нагрузки, а возникало достаточно произвольно. Исследования ряда объектов владетельного титула русских государей<sup>14</sup> позволяют высказать несколько соображений, которые, возможно, смогут прояснить вопрос о том, что же собственно представлял собой объектный титул, и каким образом происходило его формирование, а также обозначить ряд перспектив в исследовании этой темы.

Представим в самых общих чертах историю объектного титула. Впервые он появился в 1449 г. в договорной грамоте Василия II с Казимиром IV и состоял из четырех элементов: «Князь великий... Московский, и Новгородский, и Ростовский, и Пермский»<sup>15</sup>. В 1474 г. впервые в документах зафиксирован объектный титул Ивана III, состоящий из трех наименований: «Великий князь... Володимирьский, и Новгородский, и Московский»<sup>16</sup>.

В грамоте от 14 марта 1484 г. объектный титул обозначен как: «Володимирьски и Московски и Новгородски и Псковски и Югорьски и Вятски и Пермьски и иных»<sup>17</sup>. Это изменение титула М. Агоштон связывает с походом на Югру князя Ф. Курбского и И. Салтыка Травина, которые 1 октября 1483 г. доставили в Москву пленных югорских князей<sup>18</sup>. Примечательно также перенесение определения «Новгородский» со второго на третье место. Его первоначальное расположение в титуле Ивана III, возможно, объясняется тем, что в официальной московской трактовке событий 1471 г. Новгород понимался как бы изначально находившимся под властью великих князей – «Володимирьских и Новагорода Великаго и всея Руси» (Московский летописный свод 1472 г., в составе Никаноровской летописи)<sup>19</sup>. Такое понимание способствовало сопряжению в титуле объектов «Владимирский» и «Новгородский», разделенных в 1484 г. объектом «Московский». Это разделение, возможно, было обусловлено расширением самого

объектного титула и необходимостью включения в него объекта «Псковский». Сочетание «Новгородский, Псковский», маркирующее два схожих государственных образования севера Руси, выглядело более логичным, нежели «Новгородский, Московский, Псковский». Требуют объяснения включения в титул объектов «Вятский» и (отчасти) «Пермский». Агоштон полагает, что место объекта «Пермский» в титуле Ивана III восходит к аналогичной концовке объектного титула Василия II 1449 г.<sup>20</sup>

В 1487 г. в титул был добавлен объект «Тверский», вставший между «Псковским» и «Югорским», что было связано с присоединением Тверского княжества в 1485 г. Агоштон полагает, что титульное место «Великого княжества Тверского» «подчеркивало значение этой территории в системе Московского государства – ниже Новгорода и Пскова, но выше любых областей на востоке страны»<sup>21</sup>, что вполне справедливо. Наконец, в 1490 г. объектный титул был дополнен наименованием «Болгарский», появление которого было связано с установлением в 1487 г. протектората над Казанским ханством<sup>22</sup>. Этот объект завершал титул Ивана III. Его место в конце объектного титула, с одной стороны, определялось временем этого «приобретения» для Москвы, с другой, условным характером власти Московского великого князя над Казанским ханством (протекторат).

К 1490 г. титул существенно увеличился и стал состоять из девяти наименований: «Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Угорский, и Вятский, и Пермский, и Болгарский, и иных», в таком виде он зафиксирован и на известной печати 1497 г.<sup>23</sup> В 1514 г., при Василии III, титул увеличился еще более существенно. Он состоял уже из 22 наименований, причем был разделен на две части: «Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский и Болгарский и иных, Государь и Великий князь Новгорода Низовские земли, и Черниговский, и Рязанский, и Волотский, и Ржевский, и Бельский, и Ростовский, и Ярославский, и Белозерский, и Удорский, и Обдорский, и Кондинский, и иных»<sup>24</sup>. При Иване IV произошло еще несколько дополнений: с 1553 г. «великий князь... Казанский», с 1554 г. «Астраханский», с 1555 г. «всея Сибирские земли и Северные страны повелитель» (в конце титула), с 1556 г. «царь Казанский, царь Астраханский», с 1558 г. в титуле фиксируется Ливония (в разнообразных вариантах), с 1563 г. «Полоцкий» (на месте прежних «Волотцкий, Ржевский, Бельский») <sup>25</sup>. При Федоре Ивановиче с 1589 г. «государь Иверския земли (Карталинских и) Грузинских царей, и Кабардинския земли Черкасских и Горских князей»<sup>26</sup>. При Борисе Годунове с 1599 г. «царь Сибирский»<sup>27</sup>. Следующие крупные изменения произошли в период войны с Речью Посполитой при Алексее Михайловиче: с 1652 г. в титуле присутствуют слова «Великия и Малыя Русии самодержец», с 1654 г. наименования «Киевский», «Черниговский», «Полоцкий» (вторично, после времени Ивана IV), «Мстиславский» и «Великия, Малыя и Белья Русии самодержец», с 1655 г. «Великий князь Литовский», «Волинский», «Подольский» (часть этих обозначений позднее утратилась)<sup>28</sup>. При Петре I после окончания Северной войны в титуле появилось новое определение статуса «Император и самодержец Всероссийский» и добавились объектные определения «князь Эстляндский, Лифляндский, Корельский»<sup>29</sup>. При Екатерине II вернулись наименования литовских и белорусских земель, был добавлен титул «Царица Херсониса Таврического» (в 1784 г.)<sup>30</sup> и наименования «Курляндская и Семигальская». При Александре I в 1815 г. произошло дополнение «Царь Польский»<sup>31</sup>, при Николае I в 1828 г. в титул добавились слова «государь... Армянския области», а название Финляндии, существовавшее в титуле со времени Александра I, приобрело вид «Великий князь Финляндский»<sup>32</sup>, при Александре II в 1857 г. добавился титул «Царя Грузинского», созданный на основе имевшегося в титуле определения «Грузинских царей»<sup>33</sup>, наконец, окончательный вид объектный титул приобрел при Александре III в 1882 г. – он состоял уже из 54 наименований, и в соответствии с этим был сформирован последний вариант Большого государственного герба Российской империи<sup>34</sup>. Такова в самых общих чертах история объектного титула (без рассмотрения некоторых оборотов общей географической ориентировки, типа «и иным многим землям Восточным и Северным государь» и т.п.).

Вне всякого сомнения, объектный титул русских государей, как и объектные титулы любых других правителей, фиксировал присоединение новых земель и территорий (реальное или желаемое) и в этом смысле отражал историческую реальность своего времени. Однако представления современных историков об этой реальности могут существенно образом отличаться от ее восприятия современниками событий. История титула блестяще иллюстрирует эту особенность. Например, начало присоединения Сибири в историографии традиционно связывается с походом Ермака в начале 1580-х гг. Казалось бы, именно с этого времени «сибирский» территориальный объект должен был войти в титул. Но на самом деле наименование «Сибирская земля» впервые встречается в титуле еще в июне 1555 г., потому что в январе того года сибирский правитель Едигер обратился к Ивану IV с просьбой взять Сибирь «под его руку». А титулование «царь Сибирский» появилось в титуле в 1599 г., поскольку в августе предшествующего, 1598 г., войско Кучума было окончательно разгромлено тарскими воеводами<sup>35</sup>. Совершенно очевидно, что именно события 1555 г. и 1598 г. (а вовсе не поход Ермака) и были в восприятии их современников важнейшими этапами установления власти Московского царя над Сибирью. Другой пример: присоединение Астрахани во всех пособиях по русской истории датируется 1556 г. А в титуле наименование «Астраханский» появилось уже в сентябре 1554 г.<sup>36</sup>, поскольку именно в этом году русские войска вошли в Астрахань. С этим событием и связывалось современниками присоединение Астраханского ханства к России (что хорошо иллюстрируют датировки некоторых дипломатических документов, где перечислено, каким годом Московского, Казанского и Астраханского царствований государя датируется данный документ<sup>37</sup>). Иными словами, восприятие значимости тех или иных событий и явлений, связанных с расширением Московского государства, современниками этих событий и нынешними исследователями (с позиций науки и представлений сегодняшнего дня) может кардинально различаться. Поэтому не имеет особого смысла комментирование титульных объектов сведениями о реальном процессе вхождения этих объектов в состав Московского государства – важно восприятие этой «реальности» и понимание ее людьми того времени. Важно выяснить не столько, какова была «действительная власть» государя над теми или иными землями, отраженными в титуле, сколько в связи с чем и почему эта власть считалась таковой. Принятие во внимание этого аспекта может помочь и в выяснении вопроса о временном промежутке между присоединением территории (реальном или мнимом) и ее фиксацией в титуле. Исследование истории ряда титульных объектов, как кажется, показывает, что титул весьма оперативно и очень гибко «реагировал» на присоединение новых земель (во всяком случае, обозначения Сибири, Ливонии и Кавказа ясно свидетельствуют об этом).

При анализе титула необходимо учитывать особенности топографических и географических представлений людей прошлого. В этом контексте наложение титульных объектов (причем так, как они понимаются сейчас) на современную географическую карту и определение общего «вектора» титульного «пространства» в соответствии с этой картой мне представляется малопродуктивным. Совершенно очевидно, что современники могли воспринимать взаимное месторасположение различных географических объектов совсем не так, как люди сегодняшнего дня. Очень мало, что можно сказать в этом смысле о русских людях конца XV–XVI вв., но ряд европейских карт опирался на сведения русских информантов (например, карты Б. Аньезе, А. Виеда и других европейских картографов<sup>38</sup>). На картах XVI в. присутствуют многие титульные объекты. Например, на карте Виеды 1570 г. (составленной по сведениям Ивана Ляцкого) в северо-восточной ее части зафиксирована Вятская земля, над нею слева Югра, справа Конда, справа от Конды Великая Пермь, а над нею Обдорья. На картах из изданий С. Герберштейна<sup>39</sup> Югра, напротив, занимает самое крайнее положение на северо-востоке. В то же время, на этих картах Тверь расположена к западу или чуть к северо-западу от Москвы. Еще дальше на запад, чуть севернее, находится Великий Новгород. Псков расположен почти точно на запад от Москвы, Смоленск – сильно на юго-запад, Нижний Новгород – на восток, Рязань – на юго-восток (на других, более

поздних картах XVI в. даже ближе к югу). Почти точно к северу от Москвы находятся один за другим Ростов, Ярославль, Белоозеро. Вряд ли продуктивно сопоставлять титульные объекты с их расположением на европейских географических картах того времени, однако, возможно, в некоторых случаях устойчивые особенности взаимной географической соотнесенности этих объектов в старой картографической традиции следует иметь в виду – во всяком случае, это сопоставление имеет не меньший смысл, чем сличение объектного титула с современной географической картой.

Относительно собственно объектного титула обращают на себя внимание следующие особенности.

Структура объектного титула русских государей, по всей видимости, имела иностранные прототипы, среди которых могли быть: титул императора Священной Римской Империи Германской нации<sup>40</sup>, титул короля Польского и великого князя Литовского<sup>41</sup>, титулы сербских правителей<sup>42</sup>. Объектные титулы также употреблялись в титулатуре и других европейских (королей Швеции, Дании) и восточных (Османских султанов) государей<sup>43</sup>. Причем аналогии может обнаруживать не только сама структура титула, но даже и отдельные территориальные атрибуты (при том, что, по верному наблюдению, С.М. Каштанова «порядок расстановки и конкретный состав территориальных титулов определялись русскими государственными деятелями с учетом политических интересов и политической идеологии правящих верхов Русского государства»<sup>44</sup>). К сожалению, детального сопоставления русского объектного титула с современными ему объектными титулами других монархов, даже императора Священной Римской Империи, до сих пор не проведено. Между тем, такое сопоставление может объяснить появление в титуле отдельных наименований. Например, форма «Черкасских и Горских князей», возможно, возникла в русском титуле по образцу (и в какой-то степени в противовес) титула крымских ханов, в котором имелись слова «множества татар и бесчисленных ногаев и черкесов повелитель»<sup>45</sup>.

Форма титула могла зависеть, с одной стороны, от адресата, с другой стороны, от вида документа. На эту особенность уже неоднократно обращали внимание исследователи, выделяя различные типы интитуляции грамот и варианты, в частности, объектного титула. При этом количество вариантов (при двух-трех основных) может быть порой весьма велико, а число вариантов наименований отдельных объектов и того больше (ливонский территориальный атрибут существовал, по крайней мере, в четырнадцати вариантах<sup>46</sup>).

Тем не менее, обычно использовались лишь несколько вариантов объектного титула: полный и более краткий (краткие) (до слов «Болгарский и иных»), которые позволяют вычленить в объектном титуле две «основные» части. При этом более полная форма титула считалась и более почетной. При обращении к европейским христианским государям использовались более полные формы, а при обращении к восточным (в том числе мусульманским) – более краткие.

Титульные определения статуса, применяемые к тем или иным территориальным объектам, также нуждаются в детальном исследовании. Такие титулы, как «царь» (Казанский, Астраханский и другие), «великий князь» (Тверской, Смоленский...), «государь», «повелитель», «обладатель», сопряженные с определенными наименованиями, могли свидетельствовать не только о ранговом статусе того или иного владения, но и фиксировать сам характер ононого (условное владение, протекторат, присоединение). Значение тонких нюансов употребления тех или иных статусных титулов на примере Сибири было блестяще продемонстрировано Каштановым<sup>47</sup>. По отношению к Пскову употребление титула «государь» (а не «великий князь») восходило, например, к старой, псковской традиции<sup>48</sup>. При этом отнюдь не очевидно, можно ли отдельные наименования (например, «Пермский, Вятский, Болгарский») воспринимать не как собственно определения, а в контексте того статуса, который имеет тот или иной предшествующий им территориальный элемент (как это делает Агоштон<sup>49</sup>). Например, из сочетания «великий князь Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных» с абсолютной очевидностью не следует, что титул «великий князь» в данном

случае применим ко всем территориальным наименованиям в этой части объектного титула.

Существенной, на мой взгляд, является возможность понимания объектного титула не как некоего однородного явления, а как определенной системы. Объектный титул имел довольно четкую внутреннюю структуру, т.е. состоял из нескольких частей. Поэтому названия новых территорий, входившие в титул, добавлялись к этим частям, т.е. вписывались определенным образом в уже имевшуюся структуру титула, попутно уточняя и «развивая» ее.

Эта структура в определенной степени зависела от политического статуса той или иной территории. Так, безусловно, «царства», которые были по статусу выше «великих княжеств», занимали в титуле одно из первых мест. Первые три места с конца XV в. принадлежали названиям стольных городов Руси как главной «вотчины» московских правителей («Владимирский, Московский, Новгородский»). В то же время земли, подчиненность которых царской власти носила более условный характер, входили в заключительную часть титула (Сибирская земля «под рукой» государя; Ливонская/Лифляндская земля; Иверская (Кахетия) и Кабардинская земли под формальным протекторатом России). Наблюдения над использованием в титуле термина «земля» применительно к некоторым объектам позволяют полагать, что его употребление как раз и служило показателем более мягких форм зависимости (в отличие от непосредственного включения в состав государства)<sup>50</sup>. Таким образом, помимо статусной иерархии, определенное значение имела и «категория» владения, но видеть лишь в этих «показателях» единственный принцип формального структурирования объектного титула невозможно.

Исследователи обращали внимание и на географическую «ориентировку» титульных объектов. Так, Каштанов, исследуя сибирский территориальный компонент титула, отметил, что, по крайней мере, в заключительной своей части объектный титул явно был «направлен» на северо-восток<sup>51</sup>. Филюшкин вообще считает горизонтальное направление (правда, почему-то «с востока на запад») основным для формирования «идеального облика России» в рамках территориального титула<sup>52</sup>. Мне представляется, что существенное значение имело не просто горизонтальное расположение векторного типа, а, скорее, различение центра и периферии.

В самом деле, построение структуры территориального титула предполагает не столько восприятие всей совокупности объектов как некоего единого целого (подобно государствам в их границах на современной географической карте, где уже внутри государств выделяются области, провинции и другие объекты), сколько восприятие некоего локального центра, вокруг которого располагается более или менее отдаленная периферия. Если в качестве такого центра мы будем рассматривать Москву (что в данном случае вполне очевидно), то структура объектного титула (так, как она сложилась при Василии III и во многом продолжала сохраняться в дальнейшем) может предстать в следующем виде.

После объектов «Владимирский, Московский, Новгородский» (и, начиная с 1550-х гг., «Царь Казанский, Царь Астраханский») следуют объекты «Псковский», «Смоленский» и «Тверской». Они маркируют западное направление (от Москвы). Далее идут объекты «Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский», «указывающие» на восток. Затем следуют наименования Нижнего Новгорода, Чернигова и Рязани. Два последних объекта явно обозначают южный вектор. Возможно, с этим перекликается и обозначение «Низовская земля», присутствующая в наименовании нижегородского компонента. Следующие объекты «Волоцкий, Ржевский, Вельский», как кажется, нарушают эту схему (они просуществовали в титуле не слишком долго).

Наконец, объекты «Ростовский, Ярославский, Белозерский», а затем «Удорский, Обдорский, Кондинский», по всей видимости, «отсылают» к северному направлению. Символично, что в полном титуле объектная часть завершается наименованием «Северной страны» (с 1554 г.). Примечательно, что в объяснении русских дипломатов, относящемся, впрочем, к значительно более позднему времени (1656 г.), Сибирь ассоциировалась с Севером<sup>53</sup>.

Таким образом, если рассматривать объектный титул в плане векторной локализации, то выявляется система, направленная на все четыре стороны света (на запад, на восток, на юг и на север). Косвенное подтверждение тому, что такая ориентировка могла иметь определенное значение, могут служить присутствовавшие в титуле (спорадически, а в случае с «Северной страной» даже устойчиво) обозначения, восходящие к наименованиям сторон света («землям Восточным, и Западным, и Северным... государь»).

Однако важным было не только реальное «содержание» объектного титула, но и символический смысл его структуры. Анализ этой структуры на протяжении почти всего времени существования объектного титула позволяет предположить, что в ее основе лежал тернарный принцип. Конечно, его ни в коем случае нельзя абсолютизировать. Жизнь вносила свои коррективы, какие-то объекты добавлялись, некоторые исчезали, но в целом титул «стремился» к сохранению и воспроизводству этого принципа. Удивительно, что такое положение сохранялось, по-видимому, на протяжении почти всего времени истории объектного титула.

В самом деле, первые признаки этого принципа прослеживаются уже в титуле Ивана III 1490-х гг., состоявшем из 9 (3 по 3) объектов, а в объектном титуле российских императоров второй половины XIX – начала XX в. мы видим ту же самую, четко выдержанную тернарную структуру (6 царств, 6 великих княжеств, два раза по 12 княжеств и всего 24,6 кавказских земель и 6 объектов родового титула).

Устойчивые триады объектов вполне очевидны в следующих случаях: «Владимирский, Московский, Новгородский»; «Псковский (затем Смоленский), Тверской, Югорский»; «Пермский, Вятский, Болгарский»; «Новгорода Низовские земли, Черниговский, Рязанский»; «Волоцкий, Ржевский, Бельский»; «Ростовский, Ярославский, Белозерский»; «Удорский, Обдорский, Кондинский»; с конца XVI в. также «Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский».

В соответствии с этим наименования вновь присоединенных территорий, как правило, добавлялись между этих триад и редко «разрывали» их (при этом, возможно, могло учитываться и общее число титульных объектов). Например, дополнение «Полотский» было внесено после «Рязанского» и перед «Ростовским». Существенно, что новые объекты не просто добавлялись в конец титула, а могли дополнять те или иные его части (причины их титульного местоположения в каждом случае требуют специального рассмотрения).

Именно тернарная структура, по всей видимости, определила тот факт, что кавказский территориальный атрибут также формировался по этому принципу: «государь Кабардинские земли Черкасских и Горских князей» (с 1589 г.), «государь Иверские земли Карталинских и Грузинских царей» (в этой форме с 1605 г.). Когда Алексей Михайлович в период войны с Речью Посполитой изменил царский титул, то на первое место выдвинулась новая триада – «Великия, и Малыя, и Белыя России самодержец». Характерно также трехкратное повторение «и прочая, и прочая, и прочая» в поздних вариантах титула. Показательно при этом, что в «Титулярнике» 1672 г. объектный титул проиллюстрирован 33 печатями (гербами) земель. Большинство они сгруппированы по три. По сообщению А. Мейерберга, в Москве существовало «33 главных правительственных места, называемых приказами»<sup>54</sup>.

Тернарная структура, без сомнения, восходит к символу Святой Троицы. Упоминание Троицы присутствовало и в самом государевом титуле при Василии III, Иване Грозном, Федоре Иоанновиче, Михаиле Федоровиче (в начальной, инвокативной его части – «Бога в Троице славимаго милостию»; как показал Филошкин, первоначально упоминание Троицы в титуле возникло, по всей видимости, в дипломатической переписке с османским двором<sup>55</sup>) и просуществовало в отдельных случаях даже до конца XVII в.<sup>56</sup> Эта начальная часть титула повлияла и на тернарную структуру тугры в грамотах русских государей турецким султанам<sup>57</sup>. Показательно, что впервые тернарная структура объектного титула появилась при Иване III. Она эволюционировала от трех объектов в 1474 г. к девяти в 1490 г.<sup>58</sup>

Кроме того, в объектном титуле заметны даже элементы ассонативного характера – речь идет о паре «Удорский, Обдорский». Сопряженность этих объектов обусловлена их географической близостью, но очевидно в данном случае и чисто фонетическое созвучие (несмотря на то, что наименование «Удорский» должно было бы произноситься с ударением на первом слоге). О том, что это созвучие ощущалось как вполне актуальное, свидетельствует геральдика: обе территории обозначались практически одинаковыми эмблемами/гербами еще со времен Ивана Грозного (Большая печать конца 1570-х гг.). В «Титулярнике» 1672 г. и на геральдической тарели 1675 г., сделанной Юрием Фробосом для царя Алексея Михайловича, обе эти эмблемы объединены в одном картуше.

Возможность такой ассонативной пары в русском титуле, в какой-то степени, подтверждается и наличием подобных пар в титулах иностранных – «Руский, Пруский» в титуле Великих князей литовских<sup>59</sup>, «Беломорский, Черноморский» (иногда наоборот) в титуле турецких султанов<sup>60</sup>.

Ассонанс мог определять и место обозначения территорий в объектном титуле. Так, в 1563 г., практически сразу же после взятия Полоцка Иваном IV, в объектный титул было добавлено наименование «Полоцкий»<sup>61</sup>. Оно заняло место между «Рязанским» и «Ростовским», там, где раньше стояли «Волотский, Ржевский, Бельский». Совершенно очевидно, что это место определялось созвучием «Волотский/Волоцкий» – «Полотский / Полоцкий». Таким образом, общая эвфония титула не нарушалась. В тех же случаях, когда в дипломатической переписке использовалась краткая форма титула (например, в грамотах турецкому султану), наименование «Полоцкий», имевшее для Ивана IV принципиальное значение, добавлялось в первую часть объектного титула, но не в качестве дополнительного элемента, а вместо одного из уже имевшихся. Так в грамоте Ивана IV Селиму II от марта 1571 г. наименование «Полотцкий» заменило объект «Югорский»<sup>62</sup>. Такое изменение лишний раз показывает внутреннюю неразрывность титульных объектных «триад» и подтверждает тернарный принцип структуры объектного титула.

Еще одна любопытная особенность в структуре титула возникла в середине XVI в., когда в заключительной части объектного титула появилось обозначение «всея» (в большинстве случаев применительно к объекту «Северная страна»), корреспондировавшееся с аналогичным словом в начальной части («всея Руси»). Таким образом, объектный титул как бы начинался с этого обозначения и этим же обозначением заканчивался. Это слово выполняло роль своеобразного «обрамления» всей структуры объектного титула, маркируя его начало и конец (впоследствии, с добавлением кавказской части эта особенность перестала быть очевидной).

Между тем, помимо структурно-символических характеристик объектного титула как системы, на его формирование, разумеется, оказывали важнейшее влияние и конкретные геополитические события и явления. Титул развивался, пополнялся новыми объектами, при этом некоторые объекты могли со временем исчезнуть (а потом даже появиться вновь), а другие сохранялись очень долгое время в качестве своего рода «воспоминаний». Важнейшие вопросы в этом контексте: порядок перечисления объектов в титуле и особенности отражения в нем реальной ситуации.

Некоторые принципы, влиявшие собственно на порядок перечисления объектов в титуле (такие, как статусность территории, время присоединения и географическая локализация), уже были упомянуты выше. Местоположение объекта в общем перечне определялось комплексом различных причин. Так, можно проследить некоторые географические закономерности, определяемые территориальной близостью объектов друг с другом (вернее, их удаленностью от московского «центра»). В титуле Ивана III таковы сочетания «Новгородский, Псковский»; «Югорский, Вятский, Пермский», в титуле Василия III и его преемников – «Ростовский, Ярославский, Белозерский»; «Удорский, Обдорский, Кондинский». Сложнее определить, почему, например, «Рязанский» стоит после «Черниговского», а не наоборот. Может быть, здесь сыграла роль память о происхождении рязанских князей от черниговских.



В некоторых случаях происходили инверсии: так, после «Югорского» при Иване III шли «Вятский» и «Пермский», а при Василии III и позднее – наоборот, сначала «Пермский», а затем «Вятский» (об особенностях понимания титула «Вятский» в 1490-х гг. в контексте дипломатической переписки с Польшей и Литвой см. работы В.А. Кучкина и М. Агоштон<sup>63</sup>).

Одно из первых принципиальных новшеств в структуре титула произошло при Василии III в 1514 г. (поводом для этого, вероятно, послужило взятие Смоленска<sup>64</sup>). Титул был существенно дополнен и как бы разделен на две части: от «Владимирского» и до «Болгарского и иных» (краткий вариант), и от «Новгорода Низовские земли» до «Кондинского» (полный вариант), при этом вторая часть оказалась длиннее первой. Вторая часть открывалась (подобно первой) титулами «государь и великий князь». Появление нижегородского объекта в титуле (в начале его второй части), казалось бы, не находит адекватного объяснения<sup>65</sup>.

Но, если проанализировать саму структуру титула, можно предположить, что это появление было обусловлено наличием Великого Новгорода среди объектов начальной части. И действительно, наименование «Новгородский», стоящее сразу же после «Владимирского» и «Московского», как бы открывает первую часть объектного титула. Подобно ему наименование «Новгорода Низовские земли» открывает его вторую, вновь созданную часть. Здесь опять-таки мы, вероятно, сталкиваемся с некоторыми особенностями формальной структуры титула, оказавшими влияние на расположение тех или иных объектов в его составе. Уже говорилось также и о том, что краткая форма титула (первая объектная часть) использовалась в грамотах к восточным, мусульманским правителям, а полная (обе объектные части) в грамотах к европейским государям.

С другой стороны, увеличение титула в 1514 г. непосредственно отражало и произошедшие политические изменения не только в плане присоединения Смоленска. О них свидетельствует триада «Волоцкий, Ржевский, Бельский», вызвавшая недоумение у А.Л. Хорошкевич и А.И. Филюшкина. На самом деле ее появление в титуле находит вполне удовлетворительное объяснение. Волоцкий удел был присоединен к владениям Великого Московского князя в 1513 г., после смерти князя Федора Борисовича, двоюродного брата Василия III, который владел этим княжеством. Ему же принадлежала и половина Ржевы (вторая половина Ржевы входила в удел Рузского князя Ивана Борисовича, младшего брата Федора, умершего в 1505 г.)<sup>66</sup>. После смерти бездетного Федора Борисовича, весь Ржевский удел сосредоточился в руках Василия III. Новый титул как раз и отражал эти новые приобретения.

Сложнее обстоит дело с титулом «Бельский». С. Герберштейн писал, что в период правления польского короля Казимира IV «Василий, князь Белой, называемый иначе Бельским, перешел на сторону Иоанна, отца Василия, и отдал во власть его себя и свои владения. ...У него было трое сыновей, которых мы видели при государе. Из числа их Димитрий, по значению своего отца, пользовался великим уважением и почетом. Хотя эти три брата жили бельским отцовским наследством, содержась годовыми доходами с него, однако они не дерзали отправиться туда, ибо государь Московии отнял у них Бельское княжество и присвоил себе этот титул»<sup>67</sup>. Речь в данном случае идет о знаменитом роде князей Бельских, потомков Гедимины, представители которого выехали на Русь в конце XV в. Герберштейн упоминает князя Дмитрия Федоровича Бельского, приближенного Василия III и его двоюродного племянника (отец Дмитрия – князь Федор Иванович Бельский – был женат на двоюродной сестре Василия III). Но имя выехавшего на Русь князя Бельского Герберштейн называет неверно – он был Федором, а не Василием. Вероятно, ошибка возникла из-за путаницы: помимо Бельских на русской службе находились и князья Белевские, которые также выехали из Литвы в правление Ивана III – на рубеже 1480-х и 1490-х гг. Это были братья Иван, Андрей и Василий Васильевичи<sup>68</sup>. Однако существенно, что Герберштейн упоминает о том, что именно Василий III отнял у Бельских их княжество. Подобные сведения встречаются и у А. Мейерберга, побывавшего в Московии много позже, уже при Алексее Михайловиче, но очень подробно описывающего и русские земли, и объектный титул. Согласно Мей-

ербергу, бельский князь Василий «был не лучшей верности, как и соседние северские князья, да и для такой же, как у них, судьбы перебежал от Ягайловых детей к великому князю московскому Ивану, сыну Василия Темного, потому что сын этого Ивана, Василий, несправедливо отнял Бельское княжество у троих сыновей его»<sup>69</sup>. Очевидно, что эти сведения восходят к Герберштейну. Но когда же произошло упомянутое событие? Время смерти князя Федора Ивановича Бельского неизвестно – последний раз его имя упоминается в 1506 г. Имя его сына Дмитрия появляется в источниках в 1519 г., имена двух других сыновей – еще позже<sup>70</sup>. Можно думать, таким образом, что лишение Бельских их удела великим князем произошло на рубеже 1500-х и 1510-х гг., т.е. примерно в то время, когда в государевом титуле и появилось это наименование.

Конкретные причины появления наименований некоторых объектов в титуле в ранний период его истории, впрочем, не всегда ясны. Очевидно лишь, что их появление не во всех случаях было связано с теми или иными событиями, предшествовавшими ему в обозримом ближайшем прошлом (на что уже обращали внимание исследователи) – ведь могли быть одномоментные пополнения титула сразу целым рядом объектов (как было при Василии III, что позволяет говорить в данном случае о настоящей реформе территориального титула). Тем не менее, начиная с Ивана Грозного, титул довольно верно отражал реальность (фактическую или воспринимаемую таковой), постепенно пополняясь новыми элементами. С.М. Каштанов показал, что первоначально в объектный титул входили наименования тех земель, где власть великого князя «хотя и признавалась, но была недостаточно прочной». Именно таким был четырехчастный территориальный титул Василия II<sup>71</sup>. Иными словами, наименование «Московский» «покрывало» собственно территорию владений великого князя, а остальные наименования (Новгородский, Ростовский, Пермский) очерчивали следующий, более широкий круг владений, которые подчинялись великому князю условно.

При Иване III ситуация изменилась: с начала 1480-х гг. объектный титул стал очерчивать круг земель, присоединенных к Московскому государству вполне фактически. Хотя в реальности в ряде случаев «обладание» этими землями и не было полным, конкретные действия по их присоединению уже были совершены (походы на Казань, Вятку, Югру, присоединение Новгорода, Твери и т.д.). Следовательно, объектный титул из титула обладания «условного» стал титулом обладания «реального». Такое изменение заставляет сомневаться в эволюционной зависимости объектного титула Ивана III от объектного титула его отца. Скорее, титул 1484 г. восходит к титулу 1474 г. и не имеет генетической связи с титулом 1449 г. Иными словами, принципы формирования объектного титула при Василии II и при Иване III были различными. Объектный титул при Иване III, по всей видимости, начал формироваться заново, с «чистого листа», о чем свидетельствует и само количество объектов (три в 1474 г. вместо четырех в 1449 г.), и их порядок (отсутствие в титуле 1449 г. объекта «Владимирский» и «обратное», по сравнению с титулом 1474 г., расположение объектов «Новгородский» и «Московский»), и отсутствие в титуле 1474 г. объекта «Ростовский», присутствовавшего в титуле 1449 г. (так же, как и отсутствие объекта «Пермский», появившегося в титуле Ивана III только в 1484 г.). Отмечу, что сложно объяснить отсутствие объекта «Ростовский», если признать зависимость титула Ивана III от титула Василия II, учитывая, что с 1474 г. все Ростовское княжество находилось в руках московских князей.

Если проследить дальнейшее развитие титула, можно заметить, что случаев «чистого» притязания, притязания, не подкрепленного никакими реальными действиями, в объектном титуле русских государей не было. Так, титул «Псковский» при Иване III был, безусловно, титулом обладания (так, как оно виделось в Москве), потому что псковским государем считался великий московский князь. Титул «Рязанский» при Василии III (в 1510-х гг.) был также практически титулом обладания, потому что Рязанское княжество к тому времени утратило право вести самостоятельную внешнюю политику, что было равносильно признанию главенства Москвы. Более того, как видно на примерах Сибири и Кавказа<sup>72</sup>, реальный статус новых земель (их присоединение или вассалитет) порой очень тонко и внимательно отражался в титуле, и нюансы этих

территориальных «приобретений» влияли на соответствующие титульные формулировки.

В ряде случаев можно заметить значительную быстроту «реакции» титула на изменение состава подвластных России территорий. За исключением радикальных изменений (таких, как изменения при Иване III и Василии III) объектный титул весьма оперативно реагировал на события такого рода (взятие Смоленска, ликвидация Волоцкого и Ржевского уделов, присоединение Казани и Астрахани, протекторат над Сибирским ханством и его последующее подчинение, взятие Полоцка и Юрьева, протекторат над Кахетией и Кабардой, протекторат над Карталинским царством, завоевания в период войны с Речью Посполитой при Алексее Михайловиче).

Примечательно, что в ряде случаев эти дополнения были инициированы дипломатическими контактами со Священной Римской Империей Германской нации, объектный титул правителя которой мог быть формальным образцом для аналогичного русского титула. Так, наименования «Болгарский»<sup>73</sup>, новый вариант титула 1514 г.<sup>74</sup>, наименования «царь Сибирский»<sup>75</sup>, «государь Иверские земли Грузинских царей и Кабардинские земли Черкасских и Горских князей»<sup>76</sup> впервые зафиксированы именно в процессе дипломатических контактов с самым «главным» на тот момент государством Европы.

В то же время некоторые объекты могли позднее из титула исчезнуть (как произошло с наименованиями «Волоцкий, Ржевский, Бельский»); некоторое время, в 1560 г., в титуле присутствовало даже обозначение «Ногайский»<sup>77</sup>, правда, в качестве «адресного» титула, а иногда возродиться вновь («Ростовский» при Василии III). Каждый раз это, очевидно, обуславливалось своими причинами, но, по-видимому, реальная утрата земель играла в этом процессе не последнюю роль. В случае «Волоцкого, Ржевского и Бельского» можно думать, что их исчезновение объяснялось «незначительностью» данных территорий, которая стала ощущаться со временем (когда-то они имели для титула определенную актуальность). В случае «Ростовского» следует иметь в виду, что он появился вновь не «индивидуально», а вкпе с рядом других объектов при «реформе» титула в правление Василия III. Если объект, тем не менее, казался особо существенным, и память о нем сохранялась долго, то мог возникнуть титул воспоминания. Именно таковым был титул «Лифляндский», употреблявшийся даже в первые годы царствования Михаила Федоровича<sup>78</sup>. Самым длительным по времени рудиментом оказалась «Северная страна», когда-то попавшая в титул и с тех пор из него не исчезающая – она «удержалась» в титуле вплоть до 1917 г., хотя уже в конце XVII в. никто не представлял, что же реально она когда-то обозначала.

Пример «Северной страны» может продемонстрировать опасность поспешных интерпретаций отдельных наименований титула при его исследовании. Недавно Хорошкевич предположила, что под «Северной страной» царского титула следует понимать землю Норботтен, находящуюся на севере Скандинавского полуострова. «Калька перевода этого топонима и была занесена в титул царя в ходе русско-шведской войны 1556–1557 гг.» – полагает исследовательница. Свою гипотезу она подкрепляет ссылкой на дипломатический документ 1556 г., где прямо указано, что «Нарботская земля» по-русски именуется «Северной страной»<sup>79</sup>. Эта версия вошла в работу А.И. Филюшкина как доказанный факт<sup>80</sup>. Однако она вызывает сомнения: во-первых, русско-шведская война не привела к территориальным приобретениям России на севере Скандинавии, а во-вторых, наименование Северной страны вошло в титул царя раньше начала самой войны, в 1554 г. (причем в интитуляции грамоты на Афон), и, как показал С.М. Каштанов, восходит к концу XV в., имея отношение скорее к системе обозначения сторон света, нежели к конкретному топониму<sup>81</sup>. Свидетельство же документа 1556 г. может носить вполне независимый характер и объясняться более поздним по времени совпадением; причем эта интерпретация могла возникнуть не без влияния самого обозначения «Северной страны», уже к тому времени в титуле присутствовавшего. Наличие этой интерпретации еще вовсе не означает, что именно таким образом и понимался данный объект титула изначально<sup>82</sup>.

В целом, территориальный титул российских государей, во-первых, имел довольно четкую и продуманную структуру, устойчиво сохранявшуюся на протяжении почти всей его истории, а, во-вторых, формировался по определенным принципам, достаточно оперативно реагируя на присоединение (а в отдельных случаях и утрату) тех или иных земель и отражая их статус так, как его понимала российская сторона.

## Примечания

<sup>1</sup> *Лакиер А.Б.* История титула государей России // Журнал министерства народного просвещения. 1847. Ч. 56. № 10. С. 81–108; № 11. С. 109–122.

<sup>2</sup> *Каишанов С.М.* О титуле московских государей в XV–XVIII вв. // Россия в IX–XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 181–187; *его же.* Состав и содержание документов «греческих» посольских книг № 1 и 2 // Россия и греческий мир в XVI веке. Т. 1. М., 2004. С. 32–38; *его же.* Сибирский компонент в титулатуре московских государей XVI–XVII вв. // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. Новосибирск, 2006. С. 3–21.

<sup>3</sup> *Комочев Н.А.* К вопросу об изменениях в царском титуле при царе Алексее Михайловиче // Вспомогательные исторические дисциплины: Классическое наследие и новые направления. Мат-лы XVIII науч. конф. кафедры ИВИД ИАИ РГГУ. М., 2006. С. 253–256.

<sup>4</sup> *Ильева И.* Владетельский титул московских великих князей (с середины XV до первой четверти XVI в.) // Bulgarian Historical Review. 1984. № 2. Р. 75–87.

<sup>5</sup> *Лаушкин А.В.* К вопросу о формировании великокняжеского титула во второй половине XV в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1995. № 6. С. 26–36.

<sup>6</sup> *Кучкин В.А.* Происхождение русского двуглавого орла. М., 1999. С. 8–14.

<sup>7</sup> *Агоштон М.* Великокняжеская печать 1497 г.: К истории формирования русской государственной символики. М., 2005. С. 146–167, 238–317.

<sup>8</sup> *Хорошкевич А.Л.* Из истории великокняжеской титулатуры в конце XIV – конце XVI в. // Русское централизованное государство. Образование и эволюция. XV–XVIII вв. Чтения, посвященные памяти Л.В. Черепнина. Тез. докл. М., 1980. С. 26–30; *ее же.* Отражение представлений о регионах государства всяя Руси и Российского царства в великокняжеской и царской титулатуре XVI в. // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen. Wiesbaden, 2004. S. 102–127.

<sup>9</sup> *Филюшкин А.И.* Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 193–210.

<sup>10</sup> *Хорошкевич А.Л.* Отражение представлений... С. 126–127.

<sup>11</sup> *Филюшкин А.И.* Указ. соч. С. 209–210.

<sup>12</sup> *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 57–61.

<sup>13</sup> *Мейерберг А.* Путешествие в Московию; *Рейтенфельс Я.* Сказания о Московии // Утверждение династии (История России и Дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв.). М., 1997. С. 121–150, 392–399.

<sup>14</sup> *Пчелов Е.В.* «... И вся Северные страны повелитель»: элемент царского титула и его геральдическое «воплощение» // Гербовед. № 90. М., 2006. С. 113–119; *его же.* Образы Сибири в символике власти дореволюционной России // Сибирские чтения в РГГУ. Альманах. Вып. 2. М., 2007. С. 47–55; *его же.* Кабардинская земля в царском титуле и русской государственной геральдике XVI – начала XX века. Нальчик, 2007.

<sup>15</sup> *Каишанов С.М.* О титуле московских государей... С. 181.

<sup>16</sup> *Агоштон М.* Указ. соч. С. 311.

<sup>17</sup> Там же. С. 147–148.

<sup>18</sup> Там же. С. 295–297. Исследовательница связывает актуальность наименования «Югорский/Угорский» в русском объектном титуле также с возможностью его понимания как «венгерский», что могло служить фактором укрепления международного престижа Великого Московского княжества.

<sup>19</sup> Там же. С. 274–275.

<sup>20</sup> Там же. С. 304.

<sup>21</sup> Там же. С. 148, 291.

<sup>22</sup> Там же. С. 150.

<sup>23</sup> Там же. С. 312.

<sup>24</sup> *Каишанов С.М.* О титуле московских государей... С. 183.

<sup>25</sup> *Филюшкин А.И.* Указ. соч. С. 205–207.

- <sup>26</sup> Пчелов Е.В. Кабардинская земля... С. 40–41.
- <sup>27</sup> Лаврентьев А.В. Царевич – царь – цесарь: Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали. 1604–1606 гг. СПб., 2001. С. 15, 184–185.
- <sup>28</sup> ПСЗ-I. Т. 1. С. 268, 270, 349, 350, 369, 405.
- <sup>29</sup> ПСЗ-I. Т. 6. С. 453.
- <sup>30</sup> ПСЗ-I. Т. 22. С. 17.
- <sup>31</sup> ПСЗ-I. Т. 33. С. 195.
- <sup>32</sup> ПСЗ-II. Т. 3. С. 331.
- <sup>33</sup> ПСЗ-II. Т. 32. Отд. 1. С. 299.
- <sup>34</sup> См.: Лукомский В.К., Типольт Н.А. Русская геральдика. М., 1996. С. 54–59.
- <sup>35</sup> «Сибирская земля» в июне 1555 г. в грамоте турецкому султану (см.: Филюшкин А.И. Указ. соч. С. 206), «Царь Сибирский» в сентябре 1599 г. в грамоте думного дьяка Афанасия Власьева в Прагу к «цесаревым советникам» (посольство к императору Рудольфу II) (Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. 2. Памятники дипломатических сношений с Римскою Империею (с 1594 по 1621 г.). СПб., 1852. Стб. 691).
- <sup>36</sup> Филюшкин А.И. Указ. соч. С. 206.
- <sup>37</sup> Например, в грамотах Ивана IV султану Селиму от марта 1571 г. (Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1. М., 1957. № 16. С. 29; Россия и Греческий мир в XVI веке. Т. 1. М., 2004. № 142. С. 290), восточным патриархам и духовенству от марта–апреля 1571 г. (Россия и Греческий мир в XVI веке. Т. 1. № 143. С. 293; № 145. С. 297; № 146. С. 299; № 147. С. 300; № 148. С. 302; № 149. С. 303).
- <sup>38</sup> Базров Л. История русской картографии. М., 2005. С. 91–103.
- <sup>39</sup> Там же. С. 102; Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 135, 139, 146, 149.
- <sup>40</sup> Каишанов С.М. О титуле московских государей... С. 184; Агоштон М. Указ. соч. С. 242, 312.
- <sup>41</sup> Каишанов С.М. О титуле московских государей... С. 184; Агоштон М. Указ. соч. С. 239–241 (Первый объектный титул московского князя (Василия II), зафиксированный в его докончании с Казимиром Ягеллончиком от 1449 г., по количеству объектов «полностью соответствует содержанию в тексте титулу Казимира»).
- <sup>42</sup> В части обозначения сторон света (см.: Каишанов С.М. Состав и содержание... С. 38).
- <sup>43</sup> Типологически объектная часть титула, как справедливо заметила М. Агоштон, восходит к территориальным «триумфальным эпитетам» римских полководцев, затем римских императоров и, позднее, первых византийских государей.
- <sup>44</sup> Каишанов С.М. О титуле московских государей... С. 184.
- <sup>45</sup> Трепавлов В.В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 186.
- <sup>46</sup> Приведены в кн.: Пчелов Е.В. Кабардинская земля... С. 43–44.
- <sup>47</sup> Каишанов С.М. Сибирский компонент... С. 7–16.
- <sup>48</sup> Агоштон М. Указ. соч. С. 275–284.
- <sup>49</sup> Там же. С. 291, 297, 301, 305.
- <sup>50</sup> Более подробно см.: Пчелов Е.В. Кабардинская земля... С. 41–45.
- <sup>51</sup> Каишанов С.М. Сибирский компонент... С. 4.
- <sup>52</sup> Филюшкин А.И. Указ. соч. С. 210.
- <sup>53</sup> Хорошкевич А.Л. Герб // Герб и флаг России. X–XX века. М., 1997. С. 231.
- <sup>54</sup> Мейерберг А. Указ. соч. С. 151.
- <sup>55</sup> Филюшкин А.И. Указ. соч. С. 89–92.
- <sup>56</sup> Древняя Российская Вивлиофика. Ч. XVI. М., 1791. С. 249 (титул царей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича в грамотах к китайскому императору).
- <sup>57</sup> Герберштейн С. Указ. соч. С. 75. Тугра писалась в «трех кругах».
- <sup>58</sup> Агоштон М. Указ. соч. С. 311–313.
- <sup>59</sup> См., напр., грамоты Сигизмунда II Августа Девлет-Гирею от 1553 г. (Кабардино-русские отношения. Т. 1. № 2. С. 6), Ивана IV Сигизмунду II Августу от февраля 1557 г., сентября 1558 г. (Россия и Греческий мир в XVI веке. Т. 1. № 100. С. 228; № 115. С. 249) и другие.
- <sup>60</sup> См., напр., грамоты Ивана IV султану Сулейману от ноября 1549 г., сентября 1550 г., ноября 1558 г. (Россия и Греческий мир в XVI веке. Т. 1. № 53. С. 171; № 67. С. 187; № 117. С. 251), султану Селиму от марта 1571 г. (Россия и Греческий мир в XVI веке. Т. 1. № 142. С. 290; Кабардино-русские отношения. Т. 1. № 16. С. 27), Федора Ивановича султану Мураду от 6.7.1594 г. (Кабардино-русские отношения. Т. 1. № 43. С. 69) и другие.
- <sup>61</sup> Хорошкевич А.Л. Отражение представлений... С. 125; Каишанов С.М. Состав и содержание... С. 35 (грамота кахетинскому царю Леону (Левану) от ноября 1564 г.).

- <sup>62</sup> Россия и Греческий мир в XVI веке. Т. 1. № 142. С. 289.
- <sup>63</sup> Кучкин В.А. Происхождение... С. 25; Агоштон М. Указ. соч. С. 156–159.
- <sup>64</sup> Кашианов С.М. О титуле московских государей... С. 183.
- <sup>65</sup> Филюшкин А.И. Указ. соч. С. 201–202.
- <sup>66</sup> Ткаченко В.А. Московские великие и удельные князья и цари. М., 1998. С. 139–140.
- <sup>67</sup> Герберштейн С. Указ. соч. С. 144.
- <sup>68</sup> О них см.: Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 129–131.
- <sup>69</sup> Мейерберг А. Указ. соч. С. 150.
- <sup>70</sup> Зимин А.А. Указ. соч. С. 125–127.
- <sup>71</sup> Кашианов С.М. О титуле московских государей... С. 182.
- <sup>72</sup> Подробнее о «кавказской» части титула см.: Пчелов Е.В. Кабардинская земля... С. 36–48.
- <sup>73</sup> Агоштон М. Указ. соч. С. 308.
- <sup>74</sup> Кашианов С.М. О титуле московских государей... С. 183 (в договоре Василия III и Максимилиана I 1514 г.).
- <sup>75</sup> Памятники дипломатических сношений... Т. 2. Стб. 691.
- <sup>76</sup> См.: Пчелов Е.В. Кабардинская земля... С. 40–41.
- <sup>77</sup> После «Казанского» и «Астраханского», в двух грамотах от ноября 1560 г. Константинопольского патриарха Иоасафа II о признании царского титула Ивана IV (Россия и Греческий мир в XVI веке. Т. 1. № 128. С. 265, № 130. С. 273).
- <sup>78</sup> Он встречается даже в 1651 г. (между «Белозерским» и «Удорским») (см. ПСЗ-I. Т. 1. С. 261).
- <sup>79</sup> Хорошкевич А.Л. Отражение представлений... С. 123.
- <sup>80</sup> Филюшкин А.И. Указ. соч. С. 206.
- <sup>81</sup> Кашианов С.М. Сибирский компонент... С. 4–6.
- <sup>82</sup> Понимание иностранцами этого обозначения было совершенно различным: А. Гваньини полагал, что под ним подразумевается «Северское княжество» (см.: Филюшкин А.И. Указ. соч.. С. 208), А. Мейерберг – мифическая «Лукомория», Печора, область самоедов и Лапландия, а Я. Рейтенфельс – возможно, область самоедов и лапландцев (хотя это и не очевидно) (см.: Утверждение династии. С. 146–148, 402–405).

© 2010 г. В.А. АРАКЧЕЕВ \*

## ОПРИЧНИНА И «ЗЕМЩИНА»: К ИЗУЧЕНИЮ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРАКТИКИ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ 1560–1580-х годов

Вопрос о причинах введения опричнины и влиянии опричного режима на социально-политическое развитие России до настоящего времени остается дискуссионным. Крайние точки зрения на эту проблему за последнее двадцатилетие были высказаны, в том числе, и ведущими российскими историками. А.Л. Хорошкевич обосновала внешнеполитические причины учреждения опричнины, введенной «ради продолжения непопулярной в России Ливонской войны», начатой «страдавшим сложным комплексом неполноценности» Иваном IV<sup>1</sup>. И.Я. Фроянов сформулировал диаметрально противоположную концепцию, согласно которой опричнина стала «своеобразной формой самозащиты Русского государства» от идеологической войны Запада, «подрывающей основы православной веры, апостольской Церкви и, стало быть, зарождающегося самодержавия»<sup>2</sup>. Очевидно, что изложенные точки зрения балансируют на границе научного и политического дискурсов, внося в атмосферу академических дискуссий отчетливо выраженный мифогенный элемент со свойственной ему дихотомией – противополож-

\* Аракчеев Владимир Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент Псковского государственного педагогического университета.